

Яков ЖЕЛЕЗНЯК

ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Мне иногда кажется, что в одесском мире бокса я более известен, чем в мире стрелков. И когда меня попросили написать "пару слов" для нового справочника об одесском боксе, я, наверно, смог сформулировать причину нашей взаимности: "Бокс для меня всегда был не только великолепным подспорьем как средство общефизической подготовки, но и тем миром, в котором я нашел массу интересных мужественных людей с высоким уровнем интеллекта и доброты. Мир, в котором впервые четко прозвучало понятие "боксерское братство" как результат удивительных человеческих отношений и готовности в любое время реально быть полезными тому, кто в этом нуждается".

А эталоном этих отношений, его лицом, был, прежде всего, мой друг, на редкость добрый, бескорыстный, доброжелательный, очень толковый и остроумный Роман Песин. Он стал главной причиной моей активности в неожиданном для стрелка виде спорта.

Именно он, великолепный и очень грамотный тренер помог мне не только восстановить физические кондиции в период подготовки к олимпийским играм, но и умело формировал мою психологическую устойчивость, что для стрелка, особенно такого впечатлительного и эмоционального, как я, архиважно. Я бесконечно благодарен судьбе, что в моей жизни был такой Человечище, с которым, не задумываясь, делил все наши жизненные заботы. С которым мы старались быть друг другу надежной опорой.

Но однажды эта опора стала невольной причиной моих неожиданных перевоплощений.

После олимпийских игр я никак не мог осуществить свою мечту полноценно отдохнуть от сумасшедшей напряженки, державшей меня сверхмощными тисками на протяжении последних лет. Общественный долг обязывал советских олимпийских чемпионов отрабатывать заботу родной партии и правительства, выезжая на бесконечные встречи в трудовые, студенческие и школьные коллективы, воинские части. Иногда доходило до абсурда. В воскресенье примерно в семь утра, когда все члены моей семьи, как и все соседи в доме еще сладко спали, вместе со звонком в нашу дверь раздавался грохот нескольких барабанов и душераздирающий рев пионерских горнов.

Это юные ленинцы, чтоб они были здоровы, пришли приглашать с утра пораньше сверхвостребованного героя олимпиады на свой торжественный пионерский слет. Перепуганные полураздетые соседи, выскочившие на лестничные площадки, наверно, впервые оценили обратную сторону моего триумфа. Да и мне уже порядком надоело "медные трубы", официальные и неофициальные банкеты, приемы, навалившаяся многолика слава с очень высокой моральной ответственностью и безумно низкой, даже смешной материальной компенсацией.

Кстати, именно эта последняя тема почему-то очень волновала и интересовала всех окружающих в большей степени, чем самих олимпийцев. Это даже раздражало. Практически на всех встречах обязательно звучал вопрос о сумме премиальных. Тема ведь закрытая, неведомая для советского человека. Этакая тайна "любительского" спорта. Поэтому зал в эти минуты всегда затихал в ожидании ответа. Причем ответа эффективного. И когда в притихшем зале звучал правдивый ответ, многие не верили, считали, что мы лукавим. В общем, спокойной жизни совсем не стало. Все мое существо буквально кричало — нужен отдых!

В Одессе жил тогда очень интересный человек. Григорий Новоселов! Отличный боксер, прекрасный тренер, хороший товарищ и замечательный пропагандист спорта. Он обладал редчайшей коллекцией фильмов лучших финальных боев по боксу среди профессионалов. Ничего подобного даже близко не существовало на просторах нашей необъятной страны. Уникальность этой фильмотеки, которая формировалась правдами и неправдами его коллегами и друзьями, живущими за рубежом, была еще и в том, что в понимании профессионального бокса, как и вообще профессионального спорта, для всего советского народа в те годы подразумевалось что-то негативное, грязное. Все это было как бы порождением враждебной нам капиталистической системы, а значит — антисоветское, и потому запретное для показа по телевидению, в кино. Наши люди не имели никакого представления о том, как развивается профессиональный спорт, чего он достиг. А ведь там было чему поучиться. Вот этот информационный пробел и решил заполнить Григорий Новоселов со своими фильмами.

Через существовавшее в те годы общество "Знание" он регулярно и с достаточным успехом читал лекции с показом фильмов, слегка пополняя этим очень скромный бюджет своей семьи. А для самых благодарных слушателей и зрителей — боксеров — он это делал абсолютно бескорыстно и с удовольствием.

Именно он неожиданно, но, как оказалось, очень своевременно предложил мне:

— Давай слетаем на пару дней в Измаил. Выступим перед местными аборигенами. Ты расскажешь об олимпиаде, я о боксе.

— Гриша! Оставь меня в покое с этой темой. Я уже скоро буду держаться.

— Послушай! Поверь, что это будет хорошая поездка. Там отличная школа бокса, очень приличные и порядочные тренеры. Они будут просто счастливы, и ты будешь доволен. Отдохнешь немного от этой суеты.

Я продолжал возражать, но тут встрял мой друг № 1 Ромочка Песин:

— Янчик! Давай езжай. Поменяешь обстановку, отдохнешь, покушаешь свеженькой ухи, дунаечки (дунайской селедки) привезешь. Давай езжай.

Он, как всегда, был убедительным. Потому он и был № 1.

В Измаиле нас разместили в лучшем номере самой лучшей гостиницы.

Надо сказать, что Измаил, прославленный военным гением генералиссимуса Суворова и будучи мировой знаменитостью, в те годы был незаслуженно очень провинциальным городом со всеми вытекающими последствиями. Поэтому я, недавно побывавший в мировых центрах цивилизации, без снобизма, но с определенной долей иронии и любопытства разглядывал все вокруг. Было такое ощущение, что я в машине времени вернулся на несколько десятков лет назад, в прошлое. Это, не в обиду будь сказано измаильцам, проглядывалось во всем: в домах, дорогах, магазинах, во всей инфраструктуре города и даже в одежде жителей. Мне было интересно и радостно быть на этой экскурсии в прошлое. Я уже ни в коем случае не жалел, что решил на поездку сюда. Из дня завтрашнего, о котором так много говорили организаторы мюнхенской олимпиады, во вчера, так похожее на кадры довоенных документальных фильмов.

С хорошим настроением, выполнив дневную программу нашего пребывания, вечером мы ужинали в ресторане, естественно, лучшем в городе. С нами были два старых товарища Гриши. Оба бывшие боксеры. Один успешно работает старшим тренером в спортивной школе, а другой плавает капитаном на большом судне по Дунаю.

Капитан, хоть и был заранее немного "подшофе", выглядел очень эффектно в своей капитанской форме с широкими галунами на рукавах и погонах на фоне танцующих местечковых ресторанных завсегдатаев, на фоне таких же картинок из прошлого, как и весь город. Молодые девчонки нет-нет да и бросали взгляды на почти сорокалетнего обладателя завораживающей морской формы. А он ничего этого не замечал, польщенный неожиданным знакомством с олимпийским чемпионом. Он практически не участвовал в наших разговорах, а только восторженно смотрел на меня и слушал.

А ресторан жил своей жизнью. Оркестр играл почти без перерыва, так как на радость музыкантам заказы, естественно, платные, сыпались один за другим:

— А сейчас для нашей именинницы Люсенки мы исполним...

— Для Николая Петровича от друзей музыкальный подарок...

И шло, и ехало. Танцы, веселье, шабаш.

"Когда дошло веселье до точки", наш уже достаточно захмелевший капитан нетвердым голосом изрек, обращаясь ко мне:

— Для меня большая честь... Я хочу заказать для вас песню. Какую вы хотите?

— Какую еще песню? Сиди спокойно, — осадил его Гриша.

— Нет, но я же с уважением.

— Слушай! Мы же хорошо сидим. Не надо этих местечковых понтов.

— Ну, пожалуйста.

— Успокойся.

Капитан сделал попытку подняться.

— Ты куда?

— Ну, хоть пописать можно?

— Можно, если обещаешь не заходить в оркестр.

Он сделал жест, похожий на обещание, и классической походкой моряка, вразвалочку, пошел к выходу мимо оркестра. Мы, все трое, внимательно проводили его взглядом, контролируя его перемещение по залу, пока он не скрылся за дверями туалета.

Пронесло. Нам эта ресторанный популяризация была бы нехвата. Да и вообще, от подобных вещей я и сбегал из Одессы. А тут такая перспектива! Ну, придумал!

Вернулся наш капитан как-то подозрительно незаметно, и весь какой-то задумчивый.

— Ты в оркестр не заходил?

В ответ он что-то невнятно промывал и отрицательно помотал головой.

— Молодец!
И в это время из оркестра донеслось:

— А сейчас для нашего дорогого гостя из Одессы...

Мы все дружно, как по команде, внимательно посмотрели на капитана, который с глупейшим видом героя Вицина из "Кавказской пленницы" смотрел то в тарелку, то куда-то в сторону.

— ...олимпийского чемпиона...

Ну, говнюк! Просили же, как человека.

— ...по боксу...

Опа! Это что-то новенькое.

— ...Дана Позняка...

У нас вытянулись лица. Неужели наш хмельный капитан все перепутал? Оказывается, все это время он был абсолютно уверен, что я знаменитый боксер из Прибалтики. Когда мы знакомились, он что-то недоулыбнулся. Ян Железняк или Дан Позняк прозвучало для него, видимо, одинаково.

— ...друзья дарят песню "Шаланды, полные кефалей".

Мы уже не могли на него сердиться. Мы просто ржали. И наш хохот постепенно стал менять выражение лица нашего бравого капитана. У него вместо глупейшей озабоченности даже появилось на лице подобие улыбки. Ну а дальше — просто цирк.

Вместе с бравадными звуками популярной одесской песни полресторана встало и направилось к нам. Кто с бумажкой, кто с меню, кто с денежной купюрой, кто с документом, кто просто с салфеткой. Пришла пора раздавать автографы. И я никого не разочаровал. На всем, что мне подсовывали, я четко подписывал — Дан Позняк. Никого не обидел. Что народ хотел — то и получал.

Наш капитан просто ожил. Он четко организовал очередь, чтобы не было давки, контролировал порядок. А люди шли и шли. Их было так много, что казалось, будто уже повалил народ и с улиц Измаила, города воинской доблести и славы на берегу Дуная. И когда все это закончилось, он продолжал отгонять от нашего стола желающих пообщаться с мировой знаменитостью бокса. Хорошо ведь сидим!

На следующий день мы с прекрасным настроением продолжили нашу программу работы и отдыха, с доброй улыбкой вспоминая, как вчера мы завоевали Измаил.

И вспоминая вчерашние перипетии, не могли понять, как обманул нашу бдительность наш капитан. А он, видимо, никак не мог понять, зачем великий Дан Позняк променял родную Прибалтику на неродную, хоть и знаменитую Одессу.

Фотостудия "Либерти" представляет снимки Константина Димпула

